

© 2000 г.

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ

"КЛАСС ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ" В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович - доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества.

С усложнением всего комплекса социальных отношений в постиндустриальном обществе, формирующемся в развитых странах, существенно усложняется и классовая структура; она приобретает новое измерение, поскольку знания и информация превращаются в важнейший ресурс производства, а основой отнесения людей к господствующему классу становятся контроль над этим ресурсом и возможность распоряжаться им. На наш взгляд, сегодня вряд ли можно отрицать тот факт, что среди многочисленных социальных групп, на протяжении последних десятилетий существующих в обществе раннего постиндустриализма, особое значение приобретает группа, именуемая в западной обществоведческой теории knowledge-class. Отдавая себе отчет в некотором несовершенстве предлагаемого термина, ниже мы будем называть эту группу "классом интеллектуалов".

Эволюция представлений о современной социальной элите

Первые попытки рассмотрения роли данной социальной группы относятся к концу 50-х годов. В то время они носили весьма эпизодический характер и предпринимались в первую очередь в рамках анализа статусной стратификации в обществе.

Наблюдая резкое снижение хозяйственного и политического влияния традиционного класса буржуа, Р. Дарендорф одним из первых стал определять в качестве "правящего класса посткапиталистического общества" представителей высшего звена управления промышленными компаниями и лиц, принадлежащих к государственной бюрократии, тех, кто "находится на верхних ступенях бюрократических иерархий или отдает распоряжения административному персоналу" [1]. Этот подход был развит впоследствии в теории технотронного общества, в первую очередь, З. Бжезинским, по мнению которого, новая элита должна прежде всего иметь возможность контролировать и направлять процессы, определяющиеся логикой развития технологического прогресса [2]. Предельно широкое определение новой социальной страты, так называемой технотрутуры, дал Дж.К. Гэлбрейт, отмечавший в 1969 г., что "она включает в себя всех, кто привносит специальные знания, талант и опыт в процесс группового принятия решений" [3]. В результате к середине 70-х господствующим классом стали называть "технократов", умело манипулирующих уникальными знаниями и информацией на трех основных уровнях: национальном, где действует правительственная бюрократия, отраслевом, представленном профессионалами и научными экспертами, и на уровне

отдельных организаций. В это же время А. Турен назвал технократический класс не только доминирующим классом постиндустриального общества, но и субъектом подавления остальных социальных слоев и групп [4, p. 70].

Параллельно целый ряд социологов развивал существенно иные представления, акцентируя внимание не столько на положении работника в системе управления, сколько на его внутренних качествах и способностях. В 1962 г. Ф. Махлуп ввел в научный оборот термин "работник интеллектуального труда (knowledge-worker)", в котором оказались соединенными различные характеристики нового типа работника: его ориентированность на оперирование информацией и знаниями; фактическая независимость от собственности на средства и условия производства; высокая мобильность; стремление к деятельности, открывающей широкое поле для самореализации и самовыражения, хотя бы и в ущерб сиюминутной материальной выгоде. Такой позиции придерживался и основатель теории постиндустриализма Д. Белл, отмечавший, что «если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, то сегодня "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии» [5, p. 344].

К тому же периоду относятся и первые высказывания о том, что разделение общества на носителей знания, с одной стороны, и всех остальных, с другой, вызовет новые социальные противоречия, которые могут оказаться весьма острыми. В 1958 г. М. Янг в своей блестящей фантастической повести "Возвышение меритократии" в гротескной форме обрисовал конфликт между интеллектуалами и большинством общества как самую большую опасность следующего столетия. Не будучи собственно социологическим исследованием, это сочинение получило широкий резонанс и было отмечено фактически всеми сторонниками теории постиндустриального общества.

К осмыслению данной проблематики подталкивали реальные процессы, развернувшиеся в развитых обществах Запада, и в первую очередь - резкое снижение роли традиционно понимаемого рабочего класса. Если в начале 60-х годов это объяснялось экспансией сферы услуг, в результате чего рабочий класс вытеснялся с авансцены социально-экономической жизни, то уже в 70-е признавалось, что значение промышленного пролетариата уменьшается и в рамках индустриального сектора, где "наблюдается доминирование в рабочей силе профессионального и технического класса, настолько значительное, что к 1980 г. он может стать вторым в обществе по своей численности, а к концу века оказаться и первым", а это равносильно "новой революции в классовой структуре общества" [5, p. 125]. Упадок пролетариата в условиях становления постиндустриального общества выражался, прежде всего, в дифференциации рабочего класса. Одна его часть по своему профессиональному уровню и жизненным стандартам примыкала к средним слоям общества, а другая представляла собой группу, названную А. Горцем "не-классом не-рабочих", или "неопролетариатом", объединяющим всех, чьи интеллектуальные способности оказались обесцененными современной технической организацией труда [6]. В результате к концу 70-х годов получила широкое распространение формула К. Реннера, считавшего, что «рабочий класс, описанный в "Капитале" Маркса, более не существует» [7].

В 60-е и 70-е годы большинство исследователей отказалось от гипотезы о бюрократической природе нового высшего класса; его стали чаще всего определять как социальную общность людей, воплощающих в себе знания и информацию о производственных процессах и механизме общественного прогресса в целом. При этом подчеркивалось, что главным объектом собственности, позволяющим этому классу занимать доминирующие позиции в обществе, не являются уже "видимые вещи", такие как земля и капитал; в этом качестве выступают информация и знания, которыми обладают конкретные люди. В отличие от труда, знания являются "редким (курсив мой. - В.И.) производственным фактором" [8], а положение и статус представителей новой элиты "определяются в соответствии не столько с их иерархическими полномочиями, сколько с их научной компетентностью" [4, p. 65]. Из этих положений

вытекала гипотеза о подвижности границ нового высшего класса, поскольку "информация представляет собой наиболее демократичный источник власти" [9]. Подобные теоретические построения приводили к выводу, что устранение пролетариата и формирование некапиталистического по своей природе господствующего класса преодолевают классовый характер общества, делают его бесклассовым с точки зрения традиционной обществоведческой теории.

Однако нам представляется более плодотворной иная точка зрения. Следуя М. Веберу, основным признаком класса мы считаем хозяйственный интерес его представителей, а не наличие собственности на средства производства или ее отсутствие. Такой подход становится едва ли не единственно правильным именно в условиях постиндустриальной, "информационной" экономики, когда вопросы определения прав собственности оказываются гораздо более сложными, нежели в любой предшествующий период. И если, согласно теоретикам пролетарской революции, рабочий класс приходит к власти для того, чтобы раз и навсегда уничтожить все классовые различия, то, в соответствии с нашей позицией, формирующийся в постиндустриальном обществе "класс интеллектуалов" способствует беспрецедентному расколу социума на разнородные группы.

Понятие "класса интеллектуалов" и его основные признаки

В западной социологии понятие "класса интеллектуалов" используют сегодня для обозначения некой данности, сформировавшейся в последние десятилетия в результате вполне объективных процессов, и поэтому трудно найти четкое определение этой социальной группы. Отчасти это объясняется тем, что становление данной общности еще далеко от завершения; однако уже сегодня можно, на наш взгляд, указать на некоторые характерные особенности представителей этой социальной группы и попытаться очертить ее границы.

Наиболее *очевидным* признаком "класса интеллектуалов" являются высокие стандарты образования, принятые в этой среде. В большинстве случаев высококвалифицированные специалисты находят себе применение в новейших отраслях промышленности и сферы услуг. Рост технологического уровня современной промышленности приводит к тому, что от 30 до 60% валового национального продукта США производится в настоящее время в тех отраслях, где работа непосредственно связана с использованием знаний (так называемые *knowledge industries*), а доля представителей традиционного капиталистического класса среди высших менеджеров крупных компаний, составлявшая в США в 1900 г. более 50%, во второй половине 70-х не превышала 5%.

Важно отметить, что статус работника в постиндустриальном обществе и его принадлежность к "классу интеллектуалов" определяются не столько собственно образовательным уровнем, сколько тем, в какой степени в тот или иной момент он превосходит аналогичный показатель среднего работника. Так, в 60-е и 70-е годы, когда обладатели дипломов колледжей считались высококвалифицированными специалистами, их доходы росли гораздо быстрее, нежели у выпускников школ. Однако с конца 80-х доходы лиц с высшим образованием также стали устойчиво снижаться в условиях новой волны конкуренции на рынке труда. Став вполне ординарными работниками, они уступили пальму первенства обладателям докторских и иных ученых степеней, а также носителям уникальных знаний об определенных производственных процессах и технологиях. С 1987 по 1993 гг. средняя почасовая зарплата обладателя диплома четырехгодичного вуза снизилась в США почти на 2%, в то же время обладатели степени бакалавра увеличили свои доходы в среднем на 30%, а докторской степени - почти вдвое.

Таким образом, основным признаком представителей "класса интеллектуалов" служит уровень образования, оказывающийся значительно выше характерного в тот

или иной момент для большинства граждан, составляющих совокупную рабочую силу. Именно поэтому *границы "класса интеллектуалов" никогда не могут расширяться до масштабов общества в целом.*

Классовая определенность данной социальной группы характеризуется прежде всего тем, что ее представители не зависят от традиционного класса буржуа, так как могут *приобретать* необходимые им *средства производства в личную собственность*. Тем самым "в современном обществе тенденция к отделению капитала от работника сменяется противоположной - к их слиянию" [10], и возникает класс, не нуждающийся в эксплуатации других социальных групп для утверждения той уникальной роли, которую он играет в социальной структуре. Доступность информационной техники и технологий, примеры которой многочисленны, приводит к тому, что все более расширяющийся круг интеллектуальных работников получает возможность индивидуального производства информационных продуктов; в результате они поставляют на рынок не свою рабочую силу, а именно готовый продукт, как правило - редкий и невозпроизводимый. Масштаб явлений, преобразующих не только структуру рынка рабочей силы, но и саму его природу, невозможно переоценить. Так, если в 1990 г. в Соединенных Штатах 3 млн. человек были главным образом связаны со своим местом работы телекоммуникационными сетями, то в 1995 г. их насчитывалось уже 10 млн., причем ожидалось, что это число должно составить 25 млн. к 2000 г. По состоянию на конец 1996 г. 30 млн. американцев были индивидуально заняты в собственных фирмах, при этом за период с 1990 по 1994 г. мелкие высокотехнологичные компании обеспечили нетто-прирост 5 млн. рабочих мест.

Осмысливая этот процесс, западные авторы ставят вопрос о человеческом, интеллектуальном, структурном и других видах капитала, не воплощенных в материальных объектах, а лишь персонифицированных в их конкретных носителях. Говорится о "внутренней собственности" (intra-ownership или intra-property) [11], о некоей не-собственности (non-ownership) [12], о том, что собственность вообще утрачивает какое-либо значение перед лицом знаний и информации [13], права владения которыми могут быть лишь весьма ограниченными и условными [14]. Отмечая, что личная собственность неотчуждаема и служит более мощным побудительным мотивом, нежели любой иной вид собственности, современные социологи все чаще рассматривают ее как основной вид собственности в постиндустриальном обществе, и это лишним раз подчеркивает роль "класса интеллектуалов" и его растущую независимость от остальных социальных слоев. Со снижением роли традиционных форм частной собственности власть уходит от представителей капиталистического класса; "класс интеллектуалов, - отмечает П. Дракер, - а не капиталисты, обладают [основными] властью и влиянием" [15] в современном обществе.

Следующим важным признаком "класса интеллектуалов" является востребованность его представителей в разных структурных элементах социальной иерархии, а также их исключительная мобильность. Обретая новую роль в производственном процессе, интеллектуальные работники уже не могут быть управляемы традиционными методами. В условиях, когда "социальные отношения становятся сферой скорее личных устремлений, чем бюрократического регулирования" [16], а "воображение и творческий потенциал человека [превращаются в] поистине безграничный ресурс для решения встающих перед нами новых задач" [17], "совместимость ценностей, мировоззрений и целей более важна, нежели детали конкретной коммерческой сделки" [18], и поэтому в современной корпорации «ни одна из сторон [ни работники, ни предприниматели] не является ни "зависимой"; ни "независимой"; они взаимозависимы» [19]. Учитывая, что работники выступают в качестве фактических собственников знаний, ими приходится "управлять таким образом, как если бы они были членами добровольных организаций" [20], а выход работников за пределы компании рассматривается как естественное проявление роста их личностного потенциала.

В контексте анализа этой особенности важно отметить, что положение высококвалифицированных работников в постиндустриальном обществе фактически выводит их

за пределы традиционно понимаемой эксплуатации, и тем самым, что, пожалуй, наиболее существенно, делает "класс интеллектуалов" самовоспроизводящейся замкнутой общностью. "Работники интеллектуального труда *не ощущают* (курсив мой. - **В.И.**), что их эксплуатируют как класс" [21, р. 23], пишет П. Драйкер, и вследствие этого, "даже меняя свою работу,, [они] не меняют своих экономических и социальных позиций" [21, р. 22-23]. Позиции же эти естественным образом включают скорее приверженность целям самосовершенствования в процессе деятельности, нежели стремление к максимизации личного материального благосостояния. В настоящее время в среде работников наукоемких и высокотехнологичных отраслей даже перспективы быстрого профессионального роста, столь ценившиеся в 80-е годы, не считаются привлекательными, если для их достижения придется уделять меньше времени семье и отказываться от привычных увлечений. Данная трансформация имеет исключительное значение для понимания природы современной социальной структуры.

По мере того как "класс интеллектуалов" становится одной из наиболее обеспеченных в материальном отношении социальных групп современного общества, он все более замыкается в собственных пределах. Высокие доходы его представителей (известно, что в США в 1992 г. работник с дипломом колледжа мог заработать за свою ожидаемую карьеру в среднем на 600 тыс. долл. больше, чем человек, получивший лишь среднее образование, а разрыв предполагаемых доходов обладателя докторской степени и выпускника колледжа достигал 1,6 млн. долл.) и фактическое отождествление "класса интеллектуалов" с верхушкой современного общества (из миллиона наиболее состоятельных американцев более 40% составляют люди творческих профессий, врачи, ученые и адвокаты, а остальные 60% - наемные менеджеры крупных компаний, две трети из которых являются бакалаврами или докторами наук) имеют своим следствием то, что выходцы из таких семей с детства усваивают постматериалистические ценности, базирующиеся на уже достигнутом уровне благосостояния. Между тем современные исследования показывают, что, "будучи однажды выбранными, ценности меняются очень редко" [22], и поэтому формирование нового типа работника становится в определенной мере наследственным, интергенерационным процессом. Как отмечает Р. Инглегарт, "постматериалистами становятся чаще всего те, кто с рождения пользуется всеми материальными благами, чем в значительной степени и объясняется их приход к постматериализму" [23, р. 171]. Это дает возможность говорить не только об устойчивости данной социальной группы, но и о ее способности к самовоспроизводству и самоутверждению в современном обществе.

Таким образом, сегодня в развитых обществах образовался слой интеллектуальных работников, которые обладают *неотчуждаемой собственностью на информацию и знания*, являются *равными партнерами собственников средств производства, не эксплуатируемы как класс; их деятельность мотивирована качественно новым образом*, причем все эти признаки в известной мере оказываются наследуемыми. Именно поэтому мы говорим не об интеллигенции или размытой совокупности высококвалифицированных работников, а об особом классе, занимающем доминирующие позиции в постиндустриальном обществе, о классе, интересы которого отличны от интересов иных социальных групп. В чем же состоят эти интересы?

Место "класса интеллектуалов"

в постиндустриальном обществе: методологический аспект

Рассмотрим причины исключительного положения "класса интеллектуалов" в современном постиндустриальном обществе, и попытаемся на этой основе оценить вероятность и остроту социального конфликта, который способен возникнуть в ходе взаимодействия этого класса с другими социальными слоями и группами.

Прежде всего, следует отметить, что вследствие обособления "класса интеллектуалов" от остального общества потенциальный классовый конфликт принципиально

отличается от прежних типов социального противостояния как новым уровнем своей комплексности, так и формами его проявления. В самом деле, в аграрных и индустриальных обществах основное противоречие возникало между классами, представители одного из которых персонифицировали монопольный ресурс (традиции и обычаи, военную силу, землю или капитал), в то время как другой состоял из людей, обладавших лишь способностью к труду. Несмотря на все различия, обе стороны конфликта имели множество схожих черт: во-первых, как представители господствующих классов, так и трудящиеся стремились к максимально возможному присвоению материальных благ и действовали в рамках *единой утилитаристской мотивации*; во-вторых, они оставались *взаимозависимыми*, поскольку ни представители угнетенных классов не могли обеспечить своего существования без выполнения соответствующей работы, ни господствующий класс не мог без этого присвоить свою часть национального богатства.

В условиях постиндустриального общества, картина классового противостояния радикально трансформируется. Во-первых, представители "класса интеллектуалов" все более явно исповедуют *нематериалистические ценности*, в то время как большинство граждан по-прежнему продает свой труд в первую очередь ради получения материального вознаграждения, руководствуясь вполне *материалистическими* по своей природе стимулами. Во-вторых, господствующий класс не только *владеет* теперь средствами производства, либо являющимися невозпроизводимыми (земля), либо созданными трудом подавленного класса (капитал), но и самостоятельно *создает* эти средства производства, обеспечивая в собственных пределах процесс формирования и самовозрастания информационных ценностей, в силу чего низший класс становится уже не столь необходимым для обеспечения богатства социальной верхушки. Его претензии на часть национального продукта, которые ранее представлялись более чем обоснованными, сегодня гораздо менее аргументированы, чем в значительной мере и объясняется нарастающее материальное неравенство представителей высшей и нижней общественных страт.

Таким образом, общество разделяется на две неравные части, одна из которых, присваивая все возрастающую часть общественного богатства и не нарушая при этом принципов справедливого распределения, постоянно сокращает возможности другой части обеспечивать себе достойный уровень материального благосостояния. Данный конфликт отражен в институциональных проблемах постиндустриального общества.

Эта сторона процесса становления "класса интеллектуалов" заслуживает самого пристального внимания. Известно, что в аграрных и индустриальных обществах классовый конфликт развивался между людьми, с одной стороны - не обладавшими фактически никакой собственностью, кроме собственности на самих себя, с другой - контролирующими основные материальные богатства общества; как следствие, считалось, что перераспределение собственности может разрешить многие социальные проблемы. Ошибочность такого подхода доказана сегодня отнюдь не только крахом коммунистического эксперимента. В гораздо большей степени она подтверждается тем, что в самих западных обществах на протяжении последних десятилетий переход человека из среднего класса в интеллектуальную и имущественную элиту обуславливается не столько удачной реализацией своих прав собственности на капитальные активы, сколько эффективным использованием персональных интеллектуальных возможностей и находящихся в личной собственности средств производства для создания новых информационных, производственных или социальных технологий. *Современный классовый конфликт уже не разворачивается вокруг собственности на средства производства, а формируется как результат неравного распределения самих человеческих возможностей*, что придает ему напряженность, превосходящую остроту любой предшествующей формы классового противостояния.

В аграрных и индустриальных обществах представители высшего класса извлекали свои основные доходы путем отчуждения прибавочного продукта от его непосред-

ственных производителей, путем их эксплуатации. Именно поэтому социальные реформаторы стремились к перераспределению общественного богатства, однако и этот подход оказался на практике несостоятельным. Становление "класса интеллектуалов" как значимой социальной силы продемонстрировало возможность преодоления эксплуатации посредством такого изменения системы ценностей человека, когда удовлетворение материальных потребностей перестает быть основным стимулом деятельности и отчуждение в пользу общества определенной части производимого продукта уже не воспринимается работником как эксплуатация. В результате оказывается, что классовый конфликт перестает быть неразрывно связанным как с проблемой эксплуатации, так и с проблемой распределения собственности.

Первые шаги западных социологов на пути осмысления данной трансформации относятся еще к 60-м годам, однако существенные результаты были получены только в 80-е и 90-е годы, и связаны они прежде всего с изучением *субъективной, личностной природы нового социального противостояния*.

Если в 60-е годы Г. Маркузе обращал особое внимание на возникающее противостояние больших социальных страт, "допущенных" и "недопущенных" уже не столько к *распоряжению* основными благами общества, сколько к самому *процессу их создания* [24], что отражало достаточно высокую степень объективизации конфликта, то позже авторитетные западные социологи стали указывать, что грядущему постиндустриальному обществу уготовано противостояние представителей нового и старого типов *поведения*. Это хорошо прослеживается, в частности, в рассуждениях О. Тоффлера о противостоянии представителей "второй" и "третьей" волн, "индустриалистов" и "постиндустриалистов" [25]. Аналогичного подхода, используя термины "knowledge workers" и "non-knowledge people", придерживался и П. Дракер, столь же однозначно указывавший на возникающий между этими социальными группами конфликт как на основной в формирующемся постиндустриальном обществе [26]. Следующим шагом стал анализ структуры *ценностей* человека, что еще более подчеркивало "субъективизацию" современного классового разделения. По словам Р. Ингледарта, "коренящееся в различиях индивидуального опыта, обретенного в ходе значительных исторических трансформаций, *противостояние материалистов и постматериалистов* представляет собой главную ось поляризации западного общества, отражающую противоположность двух абсолютно разных *мировоззрений* (курсив мой. - В.И.)" [23, р. 161], и такое разделение становится самым принципиальным из всех, какие знала история.

С возникновением "класса интеллектуалов" движителем социального прогресса становятся нематериалистические цели, и та часть социума (его большинство!), которая не способна их усвоить, объективно теряет свою значимость в общественной жизни более, нежели любой иной класс в аграрном или индустриальном обществах. Интеллектуальное расслоение, достигающее сегодня беспрецедентных масштабов, постепенно становится основой всякого иного социального расслоения, поскольку именно на этом фундаменте практически ненужными для развития производственных процессов оказываются огромные социальные группы, участие которых в общественном производстве было ранее необходимым условием социального прогресса.

Развитие современной экономики, основанной на производстве и использовании знаний, предполагает формирование нового принципа социальной стратификации, гораздо более жесткой по сравнению со всеми, известными истории. В аграрных обществах власть феодалу над крестьянами давало право рождения, в обществе индустриального могущества капиталиста основывалось на праве собственности, а влияние государственного служащего определялось его местом в политической системе; все эти статусные факторы не были обусловлены естественными и неустранимыми качествами людей - любой член общества, оказавшись на месте представителей господствующего класса, мог бы с большим или меньшим успехом выполнять соответствующие социальные функции. Именно поэтому *в прежние эпохи классовая борьба могла давать представителям угнетенных общественных групп желаемые результаты*.

В современных же условиях не социальный статус служит условием принадлежности человека к элите постиндустриального общества; напротив, сам он формирует в себе качества, делающие его представителем высшей социальной страты. Широко распространено мнение о том, что информация есть *наиболее демократичный источник власти*, ибо все имеют к ней доступ, а монополия на нее невозможна; однако важно и то, что информация является и *наименее демократичным фактором производства*, так как доступ к ней отнюдь не означает обладания ею. В отличие от всех прочих ресурсов информация не характеризуется ни *конечностью*, ни *истощимостью*, ни *потребляемостью* в их традиционном понимании, однако ей присуща *избирательность*, что, в конечном счете, и наделяет ее владельца властью в постиндустриальном обществе. Специфические качества самого человека, его мироощущение, психологические характеристики, способность к обобщениям, наконец, память и тому подобное – все то, что называют интеллектом (а он и представляет собой форму существования информации и знаний), служит главным фактором, лимитирующим возможности приобщения к этим ресурсам. Поэтому значимые знания сосредоточены в относительно узком круге людей, социальная роль которых не может быть в современных условиях оспорена ни при каких обстоятельствах. *Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться*, и последствия этой перемены с каждым годом выглядят все более очевидными.

Место "класса интеллектуалов"

в постиндустриальном обществе: экономический аспект

Современная хозяйственная жизнь западных стран дает яркие примеры тенденций, описанных с теоретических позиций. По мере формирования основ постиндустриализма информация становилась главным производственным ресурсом, а знания и способности человека превращались в важнейшее достояние общества. В условиях, когда основным фактором поддержания конкурентоспособности компаний служит технологический прогресс, экономия на оплате квалифицированных специалистов стала недопустимо опасной; их заработки начали быстро расти, а доходы тех категорий занятых, которые Дж.К. Гэлбрейт очень удачно назвал, в противоположность *knowledge-workers, consumption-workers* [27] – снижаться.

В наиболее явной форме этот процесс прослеживается с середины 70-х годов. Если, например, с 1968 по 1977 г. в США реальный доход рабочих (с учетом инфляции) вырос на 20%, причем это увеличение почти не зависело от уровня их образования, то с 1978 по 1987 гг. доходы в среднем выросли на 17%, однако для работников со средним образованием они упали на 4%, тогда как для выпускников колледжей повысились на 48%. Это явление характеризуется сегодня как начало "существенного имущественного расслоения по признаку образования" [28]. В дальнейшем процесс ускорился; более того, по мере роста доли лиц с высшим образованием в совокупной рабочей силе темпы повышения их доходов стали замедляться. Достигнув в 1972 г. своего максимума на уровне в 55 тыс. долл. (в ценах 1992 г.), они сохранялись на этом уровне вплоть до конца 80-х, когда началось их постепенное снижение, в результате которого средняя почасовая зарплата обладателя диплома четырехгодичного вуза упала за период 1987-1993 гг. с 15,98 до 15,71 долл.

На этом фоне ухудшалось положение представителей традиционного среднего класса. Несмотря на экономический подъем 90-х годов, вплоть до настоящего времени "средний американский рабочий не получал реальной прибавки к заработной плате со времени вступления в должность президента Р. Никсона" (с 1968 г. - *В.И.*) [29]. С 1973 по 1993 гг. работники, не имеющие высшего образования, потеряли до 20% своей реальной заработной платы, хотя производительность их труда возросла, по самым скромным оценкам, не менее чем на 25%. Во второй половине 80-х годов в

оборот вошло понятие "работающая беднота (working poor)", применяющееся для обозначения тех, кто, будучи занят полный рабочий день, находится при этом ниже черты бедности. В начале 70-х доля таких работников была незначительной; к 1990 г. они составляли уже почти 18% всего работающего населения США; более 15% американских граждан официально находятся сегодня ниже черты бедности и существуют за счет государственных субсидий. Так как низкоквалифицированные работники, не обладающие никакими специальными навыками, не имеют способов принудить работодателей к повышению своих зарплаток, они часто теряют работу; при этом, находя ее вновь, они, как показывает американская статистика, получают на новом месте оплату в среднем на четверть ниже предшествующей.

К середине 90-х годов высшее образование стало уже не столько условием получения устойчиво высоких доходов, сколько средством преодоления опасности пополнить ряды низшего класса. В 1997 г. доля находящихся ниже черты бедности белых американцев с дипломом колледжа составляла около 2%, а афроамериканцев - около 4%, тогда как для лиц, не имеющих законченного среднего образования, эти показатели равнялись соответственно 31 и 51%; эти цифры не требуют комментариев и лишь подтверждают слова Ф. Фукуямы о том, что *"существующие в наше время в Соединенных Штатах классовые различия (курсив мой. - В.И.) объясняются главным образом разницей полученного образования"* [30].

В то же время все более очевидным становится тот факт, что обладание уникальными способностями и знаниями, принадлежность к кругу людей творческих профессий (куда, безусловно, следует отнести не только ученых и деятелей культуры, но и высококвалифицированных специалистов в области менеджмента и финансов, юристов, профессиональных экспертов и т.д.) становится залогом высокого социального и имущественного статуса. Сегодня американцы, имеющие диплом колледжа, университета или продолжающие послевузовское обучение, составляют 24% всего населения страны, и 90% из них входят в состав наиболее высокооплачиваемой его квинтили. При этом данная категория населения лишь на 4% состоит из владельцев недвижимости или капитала, обеспечивающих им высокие доходы; 96% либо работают по найму в крупных компаниях или государственных организациях, либо заняты индивидуальной деятельностью.

Особого внимания заслуживает усиление роли этой элитной группы в жизни современного общества, рост ее влияния на социальную жизнь. Только за первое десятилетие постиндустриальной трансформации, с 1979 по 1989 гг. совокупный доход членов группы увеличился более чем в 2 раза; сегодня 1% наиболее состоятельных американцев контролирует почти 40% национального богатства страны и присваивает около 19% располагаемого ежегодного национального дохода. При этом их доходы представляют собой вознаграждения за произведенные информационные продукты и патенты, реализацию авторских прав, гонорары, процентные доходы (так, если доля заработной платы в доходах средней американской семьи в конце 80-х превышала 70%, то в семейном бюджете самых состоятельных граждан она не поднималась выше 40%). Как следствие, развитие информационной экономики делает их все богаче.

Наиболее отчетливо это проявилось в 90-е годы, когда потребности в рабочей силе стали выражаться не столько в количественных, сколько в качественных показателях. Если в 1967 г. в штате "Дженерал моторс" состояло 870 тыс. человек, то сегодня самая высокооцениваемая корпорация мира, "Майкрософт", имеет персонал, не превышающий 20 тыс. человек; рыночная же ее оценка составляет около 15 млн. долл. на одного работающего. Новая роль интеллектуальных работников в общественном производстве стала в 90-е годы обеспечивать им дополнительные доходы фактически вне зависимости от активности спроса на высококвалифицированные кадры, так как появились широкие возможности альтернативной занятости. В условиях, когда технологический прогресс сделал возможным "создание наиболее успешно работающих корпораций при наличии стартового капитала всего в несколько долларов" [31], быстрыми темпами начали развиваться компании, ориентированные на использование

высоких технологий и владеющие в основном интеллектуальным потенциалом их основателей. Сегодня 15 из 20 самых богатых людей Соединенных Штатов возглавляют компании, возникшие в течение последних двадцати лет. Поэтому неудивительно, что в 1993 г. 400 наиболее богатых американцев, согласно данным журнала "Forbes", владели активами на сумму 328 млрд. долл., что равно совокупному ВВП Индии, Бангладеш, Непала и Шри Ланки - стран с населением более 1 млрд. человек. Неудивительно и то, что доходы руководителей крупных корпораций, являющихся носителями уникального знания о рыночной стратегии компании и ее задачах, выросли с 35 долл. на 1 долл., зарабатывавшийся средним рабочим в 1974 г., до 120 долл. в 1990 и 225 долл. в 1994 г. Таким образом, в имущественном неравенстве сегодня, как никогда ранее, отражается неравенство интеллектуального потенциала членов постиндустриального общества.

Все это естественным образом приводит к росту потребности в образовании, повышению его стоимости и, как следствие - ко все большей обособленности представителей "класса интеллектуалов". С 1970 по 1990 гг. средняя стоимость обучения в частных университетах в США возросла на 474% при том, что средний рост потребительских цен не превысил 248%. Как следствие, в 1991 г. около половины студентов ведущих университетов были детьми родителей, чей доход превышал 100 тыс. долл. При этом состоятельные американцы со все большим упорством объясняют своим детям ценность современного образования. Согласно подсчетам американских экономистов, если в 1980 г. семьи с доходом, превышающим 67 тыс. долл., давали обществу 30% выпускников четырехлетних колледжей, то сегодня уже 80% выпускников происходит из таких состоятельных семей. Налицо нечто иное, чем простой рост возможностей выходцев из высокообеспеченных слоев; средства, необходимые для того, чтобы дать прекрасное образование своим детям, были у них в достатке и раньше. В настоящее время происходит изменение системы ценностей нового высшего класса, и по мере укрепления основ постиндустриального общества "класс интеллектуалов" будет все дальше уходить от прежних, сугубо материалистических мотивов деятельности.

В рамках статьи нет возможности коснуться всех сторон той социальной трансформации, которая так или иначе связана с формированием в современном обществе "класса интеллектуалов". Этот класс, ставший воплощением разворачивающейся на наших глазах информационной революции, обретает реальный контроль над процессом общественного производства и перераспределяет в свою пользу все большую часть общественного достояния. Его представители, как правило, имеющие главной целью совершенствование собственных способностей и личностных качеств, *получают высокие доходы в качестве попутного результата своей деятельности*. В то же время граждане, не обладающие ни знаниями, необходимыми в высокотехнологичных производствах, ни способностями и/или возможностями к образованию, позволяющему получить их, в целом пытаются решать лишь задачи выживания, ограниченные вполне экономическими целями. Здесь и формируется основа нового социального конфликта, окончательно разрушающего иллюзию, будто равенство является спутником свободы. Прогресс информационного, постиндустриального общества невозможен без максимальной мобилизации творческих сил, ежечасно порождающей имущественное неравенство и социальную напряженность. Оценка высшего слоя современного общества как "класса интеллектуалов" дает, на наш взгляд, возможность по-новому взглянуть на многие социальные противоречия и намечает пути их глубокого и непредвзятого анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 301.
2. Brzezinski Zb. Between Two Ages. N.Y., 1970. P. 9.
3. Gabaith J.K. The New Industrial State. 2nd ed. L., 1991. P. 86.

4. См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N.Y., 1974.
5. *Bel!D.* The Coining of Post-Industrial Society. N.Y., 1976.
6. См.: *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. Madison (Wi.). 1987. P. 210-211.
7. *Renner K.* The Service Class // Bottomore T.B., Goode P. (Eds.) *Austro-Marxism*. Oxford, 1978. P. 252.
8. *Geus A., de.* The Living Company. Boston (Ma.), 1997. P. 18.
9. *Toffler A.* Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N. Y., 1990. P. 12.
10. *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. Tokyo- N.Y., 1991. P. 66. 68-69, 270.
11. См.: *Pinchot G., Pinchot E.* The Intelligent Organization. Engaging the Talent and Initiative of Everyone in the Workplace. San Francisco, 1996. P. 142-143.
12. См.: *Ozaki R.S.* Human Capitalism. The Japanese Enterprise System as a World Model. Tokyo. 1991. P. 19.
13. См.: *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. New Brunswick (US) - London, 1994. P. 371.
14. См.: *Boyle J.* Shamans, Software, and Spleens. Law and the Construction of the Information Society. Cambridge (Ma.)-L., 1996. P. 18.
15. *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. New Brunswick (US) - London, 1996. P. 98-99.
16. *Albrow M.* The Global Age. State and Society Beyond Modernity. Stanford (Ca.), 1997. P. 167.
17. *Henderson H.* Paradigms in Progress. Life Beyond Economics. San Francisco, 1995. P. 176.
18. *Kanter R.M.* World Class. Thriving Locally in the Global Economy. N.Y., 1995. P. 336.
19. *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1995. P. 66.
20. Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. Oxford, 1997. P. 148.
21. *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 23.
22. *Boyet J.H., Conn H.P.* Maximum Performance Management. Oxford. 1995. P. 32.
23. *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990.
24. См.: *Marcuse H.* One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. L., 1991. P. 53.
25. Подробнее см.: *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization. Atlanta, 1995. P. 25.
26. См.: *Drucker P.F.* Managing in a Time of Great Change. Oxford, 1995. P. 205-206.
27. См.: *Galbraith J. K.* Created Unequal. The Crisis in American Pay. N.Y., 1998. P. 92-94.
28. *Winslow Ch.D., Bramer W.L.* Future Work. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy. N.Y., 1994. P. 230.
29. *Krugman P.* The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s. 3rd ed. Cambridge (Ma.) - L., 1998. P. 2.
30. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L. - N.Y., 1992. P. 116.
31. *Davidson J.D., Lord William Rees-Mogg.* The Great Reckoning. Protect Yourself in the Coming Depression. N. Y., 1993. P. 85.

СОЦИС ПОДПИСКА - С ЛЮБОГО МЕСЯЦА

Вы можете получать журнал "Социологические исследования" с любого месяца. Для этого надо оформить подписку в любом отделении связи по Объединенному каталогу ФУПС (раздел "АПР") примерно за полтора месяца до подписного.

Подписной индекс журнала "СОЦИС" - 70934